

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения Н. А. Островского

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ НОМЕР 616

С. ТРЕГУБ многое сделал для пропаганды творчества Николая Островского. В годы его знакомства с писателем он заведовал отделом литературы и искусства «Комсомольской правды». Знал Островского, встречался с ним, дружил. Позднее написал первую биографию писателя. Книгу серьезную и нужную. Но С. Трегуб же внес, как думается, один момент в историю жизни писателя неверный и неточный. Касается он отношения к Островскому Алексея Максимовича Горького. Чтобы сразу перейти к сути, представим слово С. Трегубу, его воспоминаниям. Речь идет об апреле 1936 года:

«...я вернулся из Тессели (Нрым), где жил А. М. Горький. Перед поездкой к Алексею Максимовичу я виделся с Островским, и он передал через меня Горькому свою книгу с дарственной надписью Я рассказывал ему о своей поездке. Островский расспрашивал, как Алексей Максимович выглядит, как он отнесся к его книге... Еще два года назад до Островского дошел слух, что Горький вот-вот опубликует статью

о «Как закалялась сталь». Он ждал этого, волновался. Но Алексей Максимович, как я понял из моего разговора с ним, еще не читал книги Островского. Он поблагодарил за подарок и пообещал: «Обязательно прочту».

В этих воспоминаниях нет очень важных и существенных деталей. В какой атмосфере происходила встреча? В связи с чем не совсем здорового и занятого писателя посетил С. Трегуб? Как ощущал он себя в присутствии М. Горького? Вопросы эти не праздные. Если не учитывать психологический момент беседы М. Горького и С. Трегуба, легко ошибиться в выводах. А выводы С. Трегуб делает решительные: «Не читал книги Островского». Представьте себе — молодой журналист и умудренный писатель. Примерно в такой же ситуации год за полтора-два до этого оказался Николай Иванович Кочин. И хотя он был в компании еще других писателей, чувствовал он себя не так просто. Прямо скажем, трудно. Вот запись воспоминаний Николая Ивановича: «Когда он усадил меня рядом с собой («землячок»

его), я был ни жив, ни мертв. Он подавлял всех эрудицией и властью. И когда он начал спрашивать, что мы написали (для задуманной им книги «История Горьковской области», денег было истрачено очень много на это), воцарилась тишина. Он молча встал, молча остановился у окна. И один известный писатель (Г. Ш.), который больше всех «истратил» и ничего не написал, стал с ним объясняться. Но М. Горький отворачивался от него. И как он отворачивался, было очень страшно. Он так и не сказал ни слова. Но все дрожало в страхе (Вс. Иванов, Пришвин, Сейфуллина, Караваева и т. д.). М. Горький был не только в добре расточителен, но громко подобен и в гневе. Видел. Свидетельствую. (Было в 1934 году летом, после I съезда писателей)».

Не зная, как протекала беседа С. Трегуба с М. Горьким, какая сопутствовала ей атмосфера, можно поставить под некоторое сомнение выводы автора воспоминаний. Могло так случиться, что М. Горькому чем-то не понравился разговор или собеседник, и тог-

да, чтобы закончить его, можно было и не пускаться в объяснения. Но это домыслы. Есть факты, прямо свидетельствующие об обратном: тому, что написал в воспоминаниях С. Трегуб. Какие?

В библиотеке М. Горького в доме в Горках хранился журнал «Молодая гвардия» с частью романа «Как закалялась сталь».

Жена Николая Островского Раиса Порфирьевна расспрашивала Екатерину Павловну Пешкову, уже после смерти М. Горького, как он относился к Николаю. Вот какие слова Пешковой приводит Р. П. Островская в своей книге о писателе:

«Я не помню точно, когда Алексей Максимович говорил со мной об Островском. Кажется, это было после смерти Максима (сына А. М. — Ред.), во второй половине 1934 года, не раньше. Алексей Максимович советовал мне прочесть книжку «Как закалялась сталь», которая, кажется, должна была выйти или вышла. Он говорил не о художественной стороне этой вещи, а указывал на большое моральное значение, которое она долж-

на иметь для молодежи».

Среди рукописей М. Горького фамилия Островского встречается, кажется, один раз. Это записка без даты с коротеньким текстом: «Н. Островский. Сочи. Оrehовая, 47. Справка у М. Е. Кольцова». Михаил Кольцов, как известно, одним из первых рассказывал стране о подвиге Островского. 17 марта 1935 года он опубликовал в «Правде» очерк «Мужество».

И, наконец, последнее доказательство, которое сегодня можно привести в пику воспоминаниям С. Трегуба. Это свидетельства Антонина Аркадьевича Раменского. В 1935 году он заканчивал рукопись, посвященную работе ленинградских комсомольцев. По просьбе секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева его принял Алексей Максимович. Рукопись М. Горький быстро отложил в сторону, сказав, что «это дела комсомольские, а он в этих делах не мастак». А потом, через паузу, сказал нечто очень важное:

— Знаешь такого писателя Николая Островского? — и он взял книгу «Как закалялась сталь». — Вот подни-

мись от меня по Тверскому бульвару, и у Страстного монастыря на Тверской живет; вернее, лежит этот человечек. Он слеп, недвижим, а вот нашел в себе великую силу написать книгу о комсомоле. Да какую книгу! У нас есть люди, которые по-разному к нему относятся, ну, это дело их совести. А по-моему, вот у кого надо учиться: у Островского. Мой тебе совет: зайдя к нему, он сильно болен, может быть, и поговорить нельзя будет, но даже посмотреть на него обязательно надо, обязательно. Вот тогда поймешь, что такое жизнь и борьба.

М. Горький задумался и добавил:

— Я тоже к нему присматриваюсь; вот второй раз читаю его книгу, и руки чешутся о нем написать. Как кончатся мои хвори, сам пойду к нему и поклонюсь, ведь это герой, это литератор нового мира, новой литературы, а ей принадлежит будущее. И я рад, что дождал до дня, когда рождается новая литература о простом народе и для народа. Велика наша Русь и богата талантами, а подвигам тоже не занимать... Мы

уже старики, и будущее принадлежит вам.

Хочется верить именно этим воспоминаниям — уж очень они в характере Алексея Максимовича. Здесь есть несколько моментов, психологически безупречно вписывающихся в знакомый нам облик М. Горького. Об Островском знал, читал, писал его друг Ромен Роллан. Неужели же сам Горький пропустил такую книжицу огромной нравственной силы?

(Скорее, в высказываниях Р. Роллана об Островском есть отзвуки чего-то горьковского). Нет, похоже, не пропустил, глаз и чувство мудрого писателя не подвели его. Он знает об Островском, знает его адреса в Сочи, Москве. Встреча с ним или печатное высказывание о нем значат для М. Горького значительное и большое — «это литератор нового мира». Вот почему могло откладываться и то, и другое...

Конечно, всякие воспоминания — не бесспорные доказательства. Хотя, кстати, атмосферу встречи Раменского и М. Горького можно представить себе довольно точно: человек пришел по делу, с ра-

ботой. Такие посетители у М. Горького пользовались расположением, вполне возможно, что возник душевный разговор... Но дело даже не в этом. Воспоминания Раменского дают повод для пристального взгляда на другие факты отношений М. Горького и Н. Островского. Они есть. Может быть, не прямые. Как магнитные силовые линии, они невидимы, но не ощутить, опускать их уже нельзя.

...Весенними днями 1936 года молодой человек, согласившийся помочь Островскому в создании библиотеки, читал писателю книги.

Когда были прочитаны слова М. Горького: «Литература — сердце мира, крылья — всеми радостями и всем горем его, мечтами, надеждами людей...», Островский тихо перебил читающего:

— Хорошо, сильно сказано! Я знаю много высказываний о книгах, но мысли Горького всегда звучат ярко и неповторимо.

...Накануне 1 июня 1934 года М. Горький подписывает билет члена Союза писателей СССР номер 616. На снимке документа человек в военном френче и горящими точечками глаз — Островский Н. А.

А. АСЕЕВСКИЙ.